
ДРЕВНЯЯ ЯПОНИЯ. МОДА ИМПЕРАТОРОВ И САМУРАЕВ VIII–XVI ВЕКОВ*

Ancient Japan.

Fashion of the emperors and Samurai of the VIII–XVI centuries

Японскую культуру называют «уникальной» и «самобытной», но в ранние годы страна старательно училась у «большого западного брата» – Китая. Китайская цивилизация, как самая древняя и развитая в Юго-Восточной Азии, еще в самом начале нашей эры подмяла под себя всех соседей по региону. Куда более молодое японское государство перенимало у Китая все его достижения. Так, японские иероглифы *кандзи* на самом деле китайского происхождения, ими начали пользоваться на островах в конце V в.

В 701 г. в Японии был утвержден «кодекс Тайхо», устанавливающий административную систему и свод законов по китайскому образцу.

Из Поднебесной в Страну восходящего солнца пришел буддизм и быстро стал второй официальной религией после синтоизма, исконного комплекса верований древних японцев. Позже буддизм особенно придется по сердцу первым самураям: синтоизм крайне отрицательно относился к любому кровопролитию, что сильно мешало профессиональным военным. А вот китайское конфуцианство статуса государственной религии, как в Китае, не получило – японским императорам не очень-то нравилась заложенная в учении Конфуция мысль о смене правящей династии, если она утратит благословение богов. Китайские

* Древняя Япония. Мода императоров и самураев VIII–XVI веков // История моды. – М., 2018. – № 83. – С. 4–47.

императорские династии периодически сменяли друг друга, а японская династия осталась несменяемой до наших дней.

В эпоху Хэйан (794–1185), когда отношения с Поднебесной существенно охладели, японская знать начала обращать внимание на ростки национальной культуры, противопоставляя ее китайскому влиянию. В Х в. зародилась школа живописи *ямато-э*, получившая свое имя в честь древнего названия страны. Соответственно, картины, созданные в китайском духе, стали именовать *кара-э* («Кара» – Китай по-японски). Кара-э считался официальным стилем, в нем расписывали народные императорские залы и ширмы. А *ямато-э* стал стилем неформальным, более чувственным и лиричным. В этой манере оформляли личные покои.

Когда придворные эпохи Хэйан обратили внимание на стихотворную форму под названием *танка* (дословно «короткая песня», изначально вид народной поэзии), они не только довели этот жанр пятистиший до совершенства, но и создали гармоничный симбиоз между поэзией, живописью и каллиграфией. Каждое стихотворение записывалось на бумаге тем или иным начертанием, которое бы лучше передавало чувства автора, а дополнял *танка* небольшой рисунок в стиле *ямато-э*.

Строки из старинного пятистишия X века «...на этот непрочный мир невозможно смотреть без грусти» с удивительной точностью передают мироощущение обитателя ранней средневековой Японии. Истоки этого чувства следует искать в очень важном для понимания того периода понятии «*аварэ*», или «*моно-но аварэ*». Обычно оно переводится как «очарование вещей», нередко с эпитетом «печальное». Можно сказать, «*аварэ*» – это способность найти прекрасное в мимолетном и восхититься им.

Некоторые исследователи называют эпоху Хэйан временем «правления вкуса». Однако временам свойственно меняться. С течением времени все больше власти у аристократов императорского двора забирало себе воинское сословие со своими героями и идеалами. Тогда же начали формироваться и формулироваться принципы самурайской этики – *бусидо*. Довольно сильное влияние на них оказала значительно укрепившаяся тогда, в XII–XIII вв., школа дзен-буддизма с ее проповедью самодисциплины, иллюзорности жизни и мирских благ и безусловного авторитета наставника. В войне ценились самоотверженная преданность господину, верность своему слову, сила духа и упорство в достижении цели, умеренность, сострадание к незащит-

ным, самообладание перед лицом опасности и презрение к смерти. Уже в эпоху Эдо, в XVIII в., этот кодекс устных наставлений оформился в классический текст «Хакагурэ», или «Сокрытое в листве», авторства Ямамото Цунэтомо. В исторической же и художественной литературе Древней Японии таким образцовым воплощением идеала доблестного воина-самурая считался один из главных героев «Повести о доме Тайра», талантливый и отважный Минамото Ёсицунэ.

Одна из уникальных черт истории Древней Японии – то, что, в отличие от других стран Востока и Запада, о мыслях и чувствах женщин, живших в то время, мы можем узнать в первую очередь от самих женщин. В эту эпоху они не только становились героинями посвященных им лирических строк, но и много сочиняли сами. Поэзия танка, дневники – дзуйхицу, повести – моногатари сохранили для нас их голоса – матерей, жен, возлюбленных.

В Хэйанскую эпоху в придворной культуре процветала изнеженность – в мужчинах ценились не воинственность и мужественность, а утонченность и даже женоподобность. Жизнь аристократов, пронизанная множеством формальностей и церемоний, сплеталась из приятных и изысканных занятий: прогулок и любования цветущими вишнями или первым снегом, состязаний в поэзии и каллиграфии, танцев и уроков игры на флейте.

В эпоху Хэйан сложился архитектурный стиль *синдэн-дзукури*, типичный для домов аристократов. В северной части обширной усадьбы располагался большой «спальный дом» (синдэн) на столбах, по китайской традиции обращенный входом на юг. Дом состоял из одного просторного зала, который делился на комнаты с помощью ширм, занавесей и подвижных перегородок, *фусума*, скользящих по желобкам в полу и балках потолка. Снаружи дом опоясывала открытая веранда под навесом. Внешних стен синдэн не имел, лишь на ночь и в плохую погоду его закрывали решетчатыми ставнями. Такие деревянные постройки, на крыши которых шла кора японского кипариса, прекрасно гармонировали с окружающей природой.

Важным элементом культуры повседневности в Японии является чайная церемония. Чай, завезенный из Китая, первыми стали пить дзенские монахи, поддерживая бодрость во время ночных медитаций. В XV в. чаепитие широко распространилось и среди аристократов и самураев. Особенно пышными и многочисленными были придворные чайные церемонии *сеин-тя*: они устраивались в парадных покоях, украшенных золотыми росписями, китайскими картинами и дорогим фарфором, а гостей развлекали музыканты, жонглеры и куртизанки.

В конце XV в. буддийский монах Мурата Дзюко, тяготившийся вычурностью «сеин-тя», разработал строгий ритуал чайной церемонии (*тяною*), взяв за основу скромные сельские чаепития, в которых главной была атмосфера единения. Его последователь Сэн-но Рикю, самый известный из «мастеров чая» (*тядзин*), установил в конце XVI в. классические правила церемонии, дожившие до наших дней.

Классическая чайная церемония, *ваби-тя*, основана на трех ключевых понятиях эстетического идеала дзен: *ваби* – суровая простота, естественность, скромность и изысканность; *саби* – очарование старины, печать времени, терпкость; *югэн* – намек, подтекст, невыразимая словами истина.

Чайная церемония, неспешная и торжественная, могла занимать около трех часов, хотя само чаепитие было очень простым: хозяин клал бамбуковой ложечкой в чашу измельченный в порошок зеленый чай (*маття*), заливал его кипятком, взбивая бамбуковой кисточкой в густую пену, и подносил гостям. Главной становилась беседа – об искусстве, поэзии, красоте. Темы для обсуждения задавали свиток, висящий в токономе, дополняющий его букет, простые предметы утвари.

Чем дальше от нас отстоят эпохи, тем меньше о них, как правило, остается материальных свидетельств: одежды, картин, статуй или зданий. К счастью, с давних времен людям известен еще один, возможно, самый надежный способ останавливать мгновение и надолго запечатлевать его в памяти. Это литература. Не будет преувеличением сказать, что самый большой отпечаток история и культура Древней Японии оставили именно на бумажных свитках. Это время, особенно эпоха Хэйан, как никакое другое, пронизано духом словесности и считается ее «золотым веком», а литературной вершиной его стала «Повесть о Гэндзи».

Этот роман Мурасаки Сикибу – настоящая энциклопедия эпохи. По нему мы знаем, как строились отношения между людьми, как они одевались, как вели себя в обществе и в дружеской обстановке, какими стихами восхищались. Этому «прародителю всех романов» повезло обрести популярность уже среди современников, а в эру Мейдзи (1868–1912) роман объявили национальным достоянием.

Э. Ж.